

Международные отношения

Правильная ссылка на статью:

Юньюшкина А.С. Военное присутствие как инструмент стратегии Китая в Арктике и проблемы региональной безопасности // Международные отношения. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0641.2025.4.77193 EDN: YYYYLIA
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77193

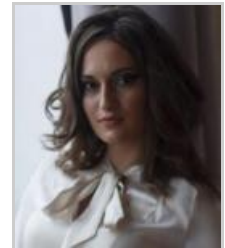
Военное присутствие как инструмент стратегии Китая в Арктике и проблемы региональной безопасности

Юньюшкина Анна Сергеевна

Аспирант кафедры ТИМО РУДН им. Патриса Лумумбы

108814, Россия, г. Москва, р-н Коммунарка, ул. Василия Ощепкова, д. 4

✉ an.yuniushkina2014@yandex.ru

[Статья из рубрики "РЕГИОНАЛЬНЫЕ КОНФИГУРАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ"](#)

DOI:

10.7256/2454-0641.2025.4.77193

EDN:

YYYYLIA

Дата направления статьи в редакцию:

09-12-2025

Аннотация: Предметом исследования данной статьи являются проблемы военного присутствия КНР в арктических водах, проводится анализ официальных политических документов Китая. Объектом исследования является всесторонний анализ политической, экономической и военной активности сверхдержавы в Заполярье. Автор подробно рассматривает такие аспекты темы, как основную стратегическую линию КНР и ее влияние на решение вопросов безопасности Арктики, поскольку исследуемый регион обладает значительными неразведанными запасами нефти, природного газа и пресной воды (более 30% мировых запасов), что делает Арктику резервным экологическим пространством мирового значения. Автор обращает особое внимание на условия геостратегической конкуренции за легкодоступные природные ресурсы для Китая, как для крупнейшего импортера энергоресурсов с растущими потребностями. Кроме того, автор закономерно сфокусировал внимание на потенциале Арктики, что создаёт объективную основу для милитаризации китайского присутствия даже при изначально мирных намерениях. Методологической основой исследования является комплексное применение взаимодополняющих качественных методов анализа, каждый из которых

соответствует определённой исследовательской задаче. Научной новизной данного исследования является всесторонний анализ военного присутствия КНР в Арктике, который определяется несколькими взаимосвязанными факторами: во-первых, геополитическая трансформация региона. Исследование позволило выявить, что события 2022 года привели к приостановке работы Арктического совета с участием западных государств и фактическому разрушению механизмов многостороннего арктического сотрудничества, существовавших с 1996 года. Во-вторых, беспрецедентное усиление российско-китайского военного взаимодействия в арктических водах. В-третьих, стремительное наращивание технологического потенциала КНР для операций в арктических условиях. В-четвёртых, эволюция официального дискурса КНР. В-пятых, дефицит достоверной информации о реальных намерениях КНР. По итогам исследования автор приходит к следующим выводам, что военное измерение арктической стратегии КНР представляет собой критически важную, но недостаточно изученную проблему современной геополитики, требующую комплексного научного анализа.

Ключевые слова:

Китай, Арктика, Арктический совет, Белая Книга, Народно-освободительная армия Китая, Военная стратегия, Арктические воды, Полярный Шелковый путь, Арктическая безопасность, Сверхдержава

Введение

Арктика обладает более чем 30% мировых запасов неразведанных ресурсов нефти, природного газа и пресной воды, что делает регион критически важным для энергетической безопасности КНР как крупнейшего импортёра энергоносителей. Северный морской путь потенциально сокращает транспортное плечо между Азией и Европой на 40% по сравнению с традиционными маршрутами через Суэцкий канал. Однако обеспечение безопасности судоходства в арктических водах требует не только экономической инфраструктуры, но и военного присутствия для защиты коммуникаций. Это создаёт объективную основу для милитаризации китайского присутствия даже при изначально мирных намерениях.

Исследовательская проблема

Арктическая стратегия КНР демонстрирует фундаментальное противоречие между декларируемыми мирными намерениями и фактическим наращиванием военного потенциала в регионе. С одной стороны, в официальных документах Китая — от «Белой книги» 2018 года [\[9\]](#) до последних заявлений руководства страны — последовательно подчёркивается приоритет научного и экономического сотрудничества, уважение к суверенным правам арктических государств и приверженность принципам международного права [\[11\]](#). С другой стороны, период 2023-2024 годов характеризуется беспрецедентной интенсификацией российско-китайского военного взаимодействия в арктических водах, качественным расширением ледокольного флота с технологиями двойного назначения, развёртыванием инфраструктуры наблюдения под видом научных станций и целенаправленной подготовкой НОАК к операциям в экстремальных климатических условиях [\[6\]](#).

Это противоречие создаёт критический пробел в понимании реального характера китайского присутствия в Арктике: является ли наблюдаемая милитаризация

естественным обеспечением растущих экономических интересов или она знаменует качественное изменение стратегических целей Пекина в регионе?

Знаковым событием, обострившим данную проблему, стало опубликование в июле 2024 года новой Арктической стратегии Министерства обороны США, в которой впервые в истории неарктический Китай был поставлен выше России в списке угроз безопасности региона. Заместитель министра обороны США Кэтлин Хикс отметила: «Мы наблюдаем рост коммерческого и военного сотрудничества между Китаем и Россией в Арктике. Китай становится ключевым партнёром России в разработке энергетических ресурсов региона, а также участвует в совместных военных учениях у побережья Аляски» [\[32\]](#). Министр обороны Канады Уильям Блэр в ноябре 2024 года на форуме по безопасности в Галифаксе заявил: «Китай использует два основных подхода к Арктике. Первый — экономическое давление через инвестиции в критически важные инфраструктурные объекты региона. Второй — деятельность под прикрытием научных исследований. Они занимаются картографированием морского дна и сбором разведывательной информации» [\[31\]](#).

Обоснование актуальности исследования

Актуальность всестороннего анализа военного присутствия КНР в Арктике определяется несколькими взаимосвязанными факторами.

Во-первых, геополитическая трансформация региона. События 2022 года привели к приостановке работы Арктического совета с участием западных государств и фактическому разрушению механизмов многостороннего арктического сотрудничества, существовавших с 1996 года. Как отмечают Э. З. Галимуллин, В. Б. Кашин и А. С. Крамаренко, резкое обострение отношений между Россией и странами Запада, начавшееся в феврале 2022 г., стало серьёзным вызовом арктическому сотрудничеству [\[14\]](#). В условиях этого институционального вакуума роль Китая как единственного крупного внешнего игрока, сохраняющего активность в регионе, качественно возрастает.

Во-вторых, беспрецедентное усиление российско-китайского военного взаимодействия в арктических водах. Если до 2023 года совместные учения носили эпизодический характер, то в 2023-2024 годах наблюдается системная интенсификация: июль 2023 года — первое совместное патрулирование российских и китайских бомбардировщиков в Беринговом проливе у побережья Аляски; сентябрь 2024 года — крупнейшие за 30 лет учения «Океан-2024» с участием свыше 400 кораблей в акваториях Тихого и Северного Ледовитого океанов; октябрь 2024 года — первое патрулирование береговой охраны КНР в водах российской Арктики. Эти события демонстрируют формирование качественно новой модели военного присутствия, выходящей за рамки традиционного понимания «научного сотрудничества» [\[11\]](#).

В-третьих, стремительное наращивание технологического потенциала КНР для операций в арктических условиях. С 2018 года (два ледокола) до 2024 года (три ледокола с перспективой строительства атомного) Китай демонстрирует самые высокие в мире темпы развития ледокольного флота. Центр стратегических и международных исследований справедливо отмечает, что «для Си Цзиньпина приоритетны технологии двойного назначения и слияние гражданского и военного секторов, поэтому продвижение КНР в Арктике может преследовать военные цели» [\[32\]](#). Одновременное нахождение всех трёх китайских ледоколов в арктических водах в июле 2024 года, развитие подводных

возможностей (автономный планер «Хайи» в Беринговом море), создание экипировки и техники для действий при низких температурах (танк «Тип 15», ЗРК «Хунци-9», арктическая униформа «тип 15») свидетельствуют о системной подготовке к военному присутствию.

В-четвёртых, эволюция официального дискурса КНР. Сравнительный анализ «Белых книг» 2008-2019 годов демонстрирует последовательное движение от оборонительной доктрины к экспансионистской стратегии. Ключевым стал документ 2015 года «Военная стратегия Китая» [\[2,3,4\]](#), провозгласивший защиту морских прав главной задачей и создавший правовую основу для присутствия ВМС НОАК в международных водах. «Белая книга» 2019 года [\[6\]](#) впервые поставила перед НОАК задачу создания комплекса военных разработок для эффективного ведения боёв в условиях низких температур с последовательным планом реализации до 2050 года. Документ «Политика Китая в Арктике» (2018) [\[9\]](#) выдвинул концепцию Северного Ледовитого океана как «общего достояния», что фактически оспаривает исключительные права арктических государств.

В-пятых, дефицит достоверной информации о реальных намерениях КНР. Как отмечается в научной литературе, «глубинное понимание проблематики осложняется закрытостью китайских источников». Академик Академии военных наук В. Е. Петровский указывает, что «общий анализ военно-политической ситуации в Арктике в контексте интересов Китая приводит китайских исследователей к выводу о необходимости усиления российско-китайского взаимодействия и сотрудничества в регионе, включая сотрудничество в области безопасности». Однако конкретное содержание этого «сотрудничества в области безопасности» остаётся неясным.

Таким образом, военное измерение арктической стратегии КНР представляет собой критически важную, но недостаточно изученную проблему современной геополитики, требующую комплексного научного анализа.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — установить реальный характер и стратегические детерминанты военного присутствия КНР в Арктике через комплексный анализ эволюции официального дискурса, технологического потенциала и практики военно-политического взаимодействия для определения перспектив региональной безопасности.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие *задачи*:

1. Реконструировать эволюцию официальной позиции КНР по военному измерению арктической политики через анализ программных документов 2008-2024 годов («Белые книги», «Политика Китая в Арктике», выступления политического руководства) для выявления трансформации стратегических приоритетов от оборонительной к экспансионистской доктрине.
2. Провести сравнительно-исторический анализ динамики китайского присутствия в Арктике на различных временных этапах (1999-2024 гг.) для определения количественных и качественных изменений в масштабах, характере и географии активности.
3. Определить функциональное назначение создаваемой КНР арктической инфраструктуры (ледокольный флот, научные станции, системы наблюдения, подводные аппараты) через анализ технических характеристик и сопоставление декларируемых целей с объективными возможностями для разделения гражданских и военных

компонентов.

4. Проанализировать российско-китайское военное взаимодействие в арктическом регионе (совместные учения, патрулирование, обмен опытом) для оценки степени интеграции НОАК в региональную систему безопасности и характера формируемого военного партнёрства.

5. Разработать сценарии возможной эволюции военного присутствия КНР в Арктике на основе выявленных трендов для прогнозирования влияния на региональный баланс сил и выработки рекомендаций для арктических государств.

Методология исследования

Методологической основой исследования является комплексное применение взаимодополняющих качественных методов анализа, каждый из которых соответствует определённой исследовательской задаче.

Анализ дискурса применяется для изучения эволюции официальной риторики КНР в программных документах («Белые книги» 2008-2019 гг. [\[1; 2; 26; 4; 5; 6\]](#), «Политика Китая в Арктике» 2018 г. [\[9\]](#), выступления политического руководства), а также для интерпретации заявлений политических деятелей и оценки стратегических документов. Метод позволяет выявить изменения в концептуализации роли КНР в Арктике, трансформацию аргументации легитимности присутствия и соотношение мирной риторики с военными компонентами. Особое внимание уделяется семантическому анализу ключевых концептов («приарктическое государство», «общее достояние», «защита морских прав»), эволюция которых отражает стратегические сдвиги. В рамках дискурс-анализа также используются материалы российских исследователей (Р. Х. Акимов [\[13\]](#), В. Е. Петровский [\[24\]](#), М. А. Кобзева [\[18\]](#), Ю. В. Зворыкина [\[16\]](#)), китайских специалистов (Ли Юнхуэй [\[22\]](#), Ло Сюань [\[21\]](#)), западных аналитиков (Центр стратегических и международных исследований США, Михаэль Пауль, Никлас Сванстрём), а также официальные документы США, Канады и других арктических государств. Триангуляция экспертных оценок позволяет компенсировать закрытость первичных китайских источников.

Сравнительно-исторический анализ используется для сопоставления трансформации арктической активности Китая на различных временных этапах. Периодизация основана на качественных изменениях характера присутствия: 1999-2007 гг. — эпизодические научные экспедиции; 2008-2012 гг. — регулярные экспедиции и формирование дискурса; 2013-2017 гг. — институционализация присутствия (статус наблюдателя в АС); 2018-2022 гг. — масштабирование экономических проектов и создание военного потенциала; 2023-2024 гг. — интенсификация военного взаимодействия.

Анализ первичных документов и технических данных используется для оценки реальных возможностей создаваемой КНР арктической инфраструктуры. Анализируются технические характеристики ледоколов («Сюэлун», «Сюэлун-2», «Цзи Ди»), военной техники (танк «Тип 15», ЗРК «Хунци-9», истребители «Цзянь-20»), подводных аппаратов («Хайи», батискаф «Цзяолун»), экипировки для низких температур. Сопоставление технических возможностей с декларируемыми целями позволяет выявить технологии двойного назначения и оценить военный потенциал.

Сценарное прогнозирование используется для определения возможных траекторий военного присутствия КНР в Арктике. На основе выявленных трендов конструируются

альтернативные сценарии: 1) агрессивно-наступательный (активная милитаризация, создание постоянных военных баз, проекция силы); 2) превентивно-обеспечивающий (защита экономических интересов, сдерживание, усиление переговорных позиций); 3) статус-кво (сохранение текущего уровня без качественного наращивания). Метод позволяет оценить вероятность различных траекторий и их влияние на региональную безопасность.

Эмпирическая база исследования

Эмпирическую базу исследования составляют официальные документы КНР по вопросам внешней политики и национальной обороны («Белые книги» 2008-2019 гг. [\[4; 5; 6; 11; 3; 19; 18\]](#), «Политика Китая в Арктике» [\[9\]](#), Конституция КНР [\[7\]](#), Закон о национальной безопасности [\[8\]](#)), стратегические документы арктических государств (Арктическая стратегия Министерства обороны США 2024 г., заявления руководства Канады), материалы научных конференций и экспертных дискуссий, работы российских и западных исследователей арктической проблематики, технические публикации китайских военных журналов («Корабельное вооружение» [\[25; 28\]](#), «Авиакосмическое знание» [\[25\]](#), «Оружейное знание» [\[27\]](#), «Современные вооружённые силы» [\[28\]](#)).

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования определяется несколькими аспектами. Во-первых, впервые проводится систематический анализ военного присутствия КНР в Арктике в период распада многостороннего арктического сотрудничества (2023-2025 гг.), когда Китай получил возможность трансформации от периферийного наблюдателя к центральному игроку в условиях российской изоляции — данный анализ военного измерения китайской арктической стратегии в условиях институционального кризиса ранее не предпринимался. Во-вторых, в работе осуществлена реконструкция эволюции военного дискурса КНР через систематический анализ «Белых книг» 2008-2019 годов, в ходе которой выявлен критический переломный момент 2015 года, когда «защита морских прав» впервые определена как главная задача НОАК, создав правовую основу для присутствия ВМС в арктических водах до публикации «Политики Китая в Арктике» (2018). В-третьих, определено функциональное назначение технологий двойного назначения через анализ технических характеристик: установлено на основе анализа специализированных китайских военных журналов, что все три китайских ледокола обладают техническими характеристиками для военных целей (системы наблюдения, картографирование дна, мониторинг), при официальном позиционировании как научные суда.

Обзор литературы

Исследование военного измерения китайской арктической политики требует критического осмысления существующих научных подходов к данной проблематике. Следует отметить, что существующие исследования арктической политики КНР преимущественно фокусируются либо на экономическом измерении (проект «Полярный Шелковый путь», участие в энергетических проектах), либо на дипломатических аспектах (статус наблюдателя в Арктическом совете, концепция «приарктического государства»). Военное измерение китайской стратегии остаётся наименее изученным и наиболее противоречивым аспектом. Это обусловлено как закрытостью китайских источников военного планирования, так и намеренной риторической стратегией Пекина, направленной на минимизацию военной составляющей в публичном дискурсе об

Арктике. Анализ академической литературы позволяет выделить четыре основных исследовательских направления, каждое из которых фокусируется на различных аспектах присутствия КНР в Арктике и предлагает собственную интерпретацию стратегических намерений Пекина.

Экономический подход рассматривает Китай преимущественно как инвестора и экономического партнера арктических государств. Представители этого направления (М.А. Кобзева, Ю.В. Зворыкина, китайские исследователи Куан Ци и Оу Кэхан) концентрируются на анализе проекта "Полярный Шелковый путь", участия китайских компаний в энергетических проектах ("Ямал СПГ", "Арктик СПГ-2"), развития Северного морского пути как транспортного коридора.

Геополитический подход интерпретирует действия Китая через призму великодержавной конкуренции и рассматривает КНР как потенциальный вызов для безопасности арктических государств. Западные аналитики (Центр стратегических и международных исследований CSIS, Михаэль Пауль, министр обороны Канады Уильям Блэр) и ряд российских исследователей акцентируют внимание на ревизионистском характере китайской политики. Министр обороны США впервые в истории в Арктической стратегии 2024 года поставил Китай выше России в списке угроз безопасности региона. Данный подход эффективно выявляет противоречия между мирной риторикой Пекина и фактическими действиями, анализирует трансформацию баланса сил. Тем не менее, его ограничением является тенденция к гиперболизации "китайской угрозы" без достаточного различения между оборонительными и наступательными намерениями, что может приводить к упрощенной интерпретации сложной стратегии КНР.

Институциональный подход фокусируется на роли Китая в многосторонних арктических механизмах, прежде всего в Арктическом совете, где КНР с 2013 года имеет статус наблюдателя. Российская школа (А. Загорский, китайский исследователь Лэй Шуан) анализирует дипломатическую активность Пекина, участие в рабочих группах АС, взаимодействие с арктическими государствами в рамках международного права. Лэй Шуан детально исследует "эволюцию концепций и механизмы продвижения" китайского позиционирования в Арктике, показывая трансформацию от концепции "заинтересованной стороны" к статусу "приарктического государства". Преимуществом данного подхода является понимание нормативных и институциональных рамок китайского присутствия.

Военно-стратегический подход анализирует наращивание военного потенциала КНР в Арктике и его влияние на региональную безопасность. Этот подход представлен работами В.Б. Кашина, В.Е. Петровского, Р.А. Полончука, западного исследователя Никласа Сванстрёма и турецкого эксперта Р. Калфаоглу. Калфаоглу подчеркивает, что роль Китая в новой геополитике Арктики определяется не только экономическими интересами, но и стремлением обеспечить военно-стратегическое присутствие в условиях трансформации глобального баланса сил.

Российская школа арктических исследований демонстрирует наиболее сбалансированный подход, признавая как экономический потенциал российско-китайского сотрудничества, так и возможные риски усиления военного присутствия КНР. Э.З. Галимуллин, В.Б. Кашин и А.С. Крамаренко отмечают, что подход Пекина к Арктике очень прагматичен: как к дополнительному составному элементу построения национальной системы экономической и военной безопасности, при этом подчеркивая, что резкое обострение отношений между Россией и странами Запада стало серьезным вызовом арктическому сотрудничеству, что объективно усиливает роль Китая.

Российские исследователи акцентируют внимание на двустороннем российско-китайском взаимодействии в условиях изоляции России от западных партнеров после 2022 года, что создает специфическую оптику анализа.

Китайская школа последовательно отстаивает легитимность присутствия КНР в Арктике через концепции "приарктического государства" (near-Arctic state), "общего достояния человечества" и "заинтересованной стороны". Профессор Ли Чжэньфу открыто заявляет: "Китай должен на национальном уровне полагаться на реальные сильные стороны в формулировании международного права, научных исследованиях и юрисдикции над ресурсами и морскими путями и сделать всё возможное в Арктике, чтобы его собственный голос был услышан". Китайские исследователи минимизируют военное измерение стратегии, акцентируя научно-исследовательский и экономический характер активности. Лэй Шуан подчеркивает эволюционный и мирный характер китайского позиционирования, связывая его с глобальными климатическими вызовами и экологической ответственностью.

Западная школа (преимущественно американские и европейские исследовательские центры) интерпретирует китайское присутствие через концепцию стратегической конкуренции и "серой зоны" (grey zone operations). Paul Arthur Berkman и Oran Young анализируют трансформацию арктического управления в условиях появления новых акторов, подчеркивая необходимость инклюзивных механизмов. Однако после 2022 года западный дискурс существенно ужесточился: Китай рассматривается как партнер России в подрыве западного влияния в регионе. Арктическая стратегия Министерства обороны США 2024 года маркирует КНР как главную долгосрочную угрозу, что отражает общий тренд восприятия Китая в западной экспертной среде.

Настоящее исследование опирается на военно-стратегический подход, дополняя его элементами экономического и геополитического анализа для формирования комплексного понимания китайского присутствия. Критически оцениваются ограничения институционального подхода в условиях распада многостороннего арктического сотрудничества после 2022 года.

В отличие от работ, акцентирующих либо исключительно экономическое измерение (Кобзева, Зворыкина), либо абстрактные геополитические риски (западные аналитики), настоящее исследование стремится установить причинно-следственные связи между эволюцией официального дискурса, наращиванием технологического потенциала и практикой военно-политического взаимодействия. Методологическая триангуляция (анализ дискурса, технических данных и экспертных оценок) компенсирует закрытость первичных китайских источников военного планирования.

Основная часть

1. Концептуальные основы современной стратегии Китая в Арктике

Эволюция официальной арктической доктрины КНР демонстрирует последовательный переход от осторожной дипломатической риторики к формированию правовых оснований для активного присутствия в регионе. Анализ программных документов 2008-2019 годов позволяет выявить закономерности трансформации китайской позиции и расхождения между декларируемыми намерениями и практическими действиями.

Региональная безопасность в Арктике представляет собой многоаспектную проблему, включающую экономический, энергетический, экологический компоненты, вопросы транспортной логистики и охраны территории. Регион характеризуется угрозами

терроризма, браконьерства, контрабанды, нарушениями экологической безопасности. Малонаселенность Арктики и отсутствие развитого транспортного сообщения создают вызовы, требующие развития инфраструктуры для обеспечения безопасности жителей Севера и судоходства по Северному морскому пути. Эффективное решение этих задач требует комплексной работы арктических и приарктических государств, направленной на охрану природы, развитие экономики и защиту от внешних угроз.

Арктика обладает значительными неразведанными запасами нефти, природного газа и пресной воды (более 30% мировых запасов), что делает регион резервным экологическим пространством мирового значения. В условиях геостратегической конкуренции за легкодоступные природные ресурсы Китай, как крупнейший импортер энергоресурсов с растущими потребностями, закономерно сфокусировал внимание на потенциале Арктики.

Первоначальная риторика Пекина носила подчеркнуто научный характер — изучение арктического климата, последствий таяния полярных льдов и их влияния на экономику позиционировались как основные мотивы интереса к региону. Китай аргументировал свое участие необходимостью защиты окружающей среды, настаивая на том, что Арктика является мировым достоянием, доступ к которому должны иметь и неарктические государства. Отсутствие у КНР статуса арктического государства и формальных прав на природные ресурсы региона стимулировало разработку доктрины, легитимизирующей военно-политическое присутствие державы в Заполярье.

Территориальная непринадлежность Китая к арктической зоне ограничивает его полномочия по сравнению с членами Арктического совета. Тем не менее, правительство Пекина максимально использует возможности статуса наблюдателя, присвоенного в мае 2013 года [\[3\]](#). Представители КНР активно участвуют в советах и экспертных группах по экономическим и экологическим вопросам, работают на научно-практических конференциях и в переговорах высшего уровня. КНР публично подчеркивает прозрачность своих внешнеполитических намерений и готовность к открытому диалогу для решения проблем Арктики.

Серия «Белых книг» по обороне демонстрирует эволюцию стратегического мышления китайского руководства. В журнале «Корабельное вооружение» отмечается, что эти документы отражают вопросы мировой военно-политической обстановки, наращивания военной мощи КНР и международного сотрудничества [\[25\]](#). Документы 2008, 2010 и 2013 годов не содержали прямых упоминаний Арктики как объекта экономических и военно-политических интересов Пекина, но позволяют понять общую траекторию геополитических амбиций Китая [\[1,2,3,4\]](#).

Белая книга 2013 года «Диверсификация применения Вооруженных сил Китая» маркирует переход от сугубо оборонительной стратегии к проектам интеграции в мировое экономическое пространство [\[3\]](#). Документ фиксирует качественное развитие авиации, создание легких механизированных подразделений и сил специального назначения в структуре НОАК, что свидетельствует о расширении оперативных возможностей вооруженных сил за пределами традиционных зон ответственности. «Белая книга по обороне: военная стратегия Китая» 2015 года ознаменовала концептуальный перелом — переход от оборонительной к экспансионистской военной доктрине [\[5\]](#). Публикация совпала с периодом обострения противоречий в Южно-Китайском море и укрепления экономических позиций КНР в мировой торговле.

Белая книга 2017 года «Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе» акцентирует международное сотрудничество с приоритетом двусторонних договоренностей в рамках программы «Один пояс, один путь» [\[5\]](#). По мнению исследователя Полончука Р.А., это свидетельствует о пересмотре Пекином места Китая в системе международных отношений и его стремлении усилить роль страны как «ответственной мировой державы» [\[10\]](#).

Принципиальное значение имеет документ 2018 года «Политика Китая в Арктике», где впервые эксплицитно выдвинута теория общего достояния Северного Ледовитого океана [\[10\]](#). Документ обосновывает необходимость совместной работы в области оценки месторождений полезных ископаемых, развития возобновляемой энергии и арктического туризма. Все эти направления позиционируются Пекином как неотъемлемая часть реализации стратегии «Один пояс, один путь». Приоритетным направлением провозглашается создание «Ледяного Шелкового пути», который должен объединить Китай с европейскими державами посредством Северного Ледовитого океана через активную деятельность китайских предприятий по разработке морских торговых маршрутов.

Структурно документ «Политика Китая в Арктике» разделен на четыре части, каждая из которых выполняет определенную идеологическую функцию: первая часть обосновывает, что решение стратегических вопросов развития Арктики вышло за пределы интересов приарктических государств и находится в сфере мировой политики и экономики; вторая часть раскрывает позицию Китая как страны, максимально заинтересованной в активном участии в решении арктических вопросов; третья часть постулирует близость местоположения Китая к Арктике и утверждает, что климатические и экологические изменения в Арктике оказывают непосредственное влияние на природу, ландшафт, рыбное и лесное хозяйства КНР; четвертая часть подчеркивает, что развитие Арктики — задача мирового масштаба, требующая участия не только приарктических стран, но и всех заинтересованных сторон, при этом Китай готов стать инициатором разработки совместных проектов, направленных на развитие региона и решение экологических, экономических и других вызовов.

Появление термина «приарктическое государство» (near-Arctic state), введенного профессором Дун Лимином из Китайского океанологического университета в Циндао, вызвало международную критику, но стало частью официального дискурса КНР. Этот концепт призван обосновать особые права Китая в регионе, несмотря на отсутствие географической принадлежности к арктической зоне. В целях реализации программы «Один пояс, один путь» Китай наращивает двустороннее сотрудничество с ведущими мировыми игроками по направлениям инфраструктуры, добычи природных ресурсов, рыболовства, исследований в области охраны окружающей среды. Последнее достигается путем увеличения количества полярных экспедиций и строительства действующих научных станций. В программных документах Китай призывает другие страны избегать военной конфронтации, публично продвигая идею прозрачности военно-политических союзов, регулирующих развитие Арктического региона [\[20\]](#).

Белая книга 2019 года «Национальная оборона Китая в новую эру» знаменует завершение формирования концептуальных оснований для активного военного присутствия в Арктике [\[6\]](#). Документ описывает научный прогресс в области искусственного интеллекта и цифровых хранилищ, достижения в развитии военного оснащения армии. Критически важна постановка стратегической задачи — создать комплекс военных разработок для эффективного проведения боевых действий в

условиях низких температур, с последовательным планом реализации до 2050 года. Примерами такой техники стали легкий танк «Тип 15», эсминец типа 052D, истребители «Цзянь-20» и баллистические ракеты средней и большой дальности «Дунфэн-26» [12].

Анализ дискурсивной эволюции показывает последовательное смещение акцентов: от мягкой риторики о научных исследованиях и охране окружающей среды (2008-2013) через утверждение статуса мировой державы с особыми интересами (2015-2017) к открытому позиционированию себя как «приарктического государства» с соответствующими правами и военными возможностями (2018-2019). Если изначально внешнеполитический курс Китая был более сдержанным, то в течение нескольких лет он приобрел масштабы, свойственные великой экономической и политической державе [4]. Расхождение между официальной позицией о мирном сотрудничестве и практическими шагами по наращиванию военного потенциала свидетельствует о двойственности китайской стратегии: декларативная приверженность международному праву и многостороннему сотрудничеству сочетается с последовательным созданием инструментов силового проецирования влияния.

2. Практическая реализация арктической стратегии КНР (2023-2024 гг.)

События 2023-2024 годов демонстрируют качественный переход от концептуального планирования к систематической реализации арктической стратегии Китая. Анализ военной активности, научно-исследовательской деятельности, инфраструктурного развития и дипломатических инициатив позволяет выявить закономерности китайского присутствия и оценить его стратегическое значение.

Наращивание ледокольного потенциала представляет собой ключевой индикатор серьезности китайских намерений. Если в 2018 году КНР располагала только двумя ледоколами («Сюэлон» и «Сюэлон-2»), то в июне 2024 года был введен в эксплуатацию третий ледокол «Цзи Ди». Знаковым событием стало одновременное присутствие всех трех китайских ледоколов в арктических водах в июле 2024 года. Эксперт по морской безопасности из берлинского фонда «Наука и политика» Михаэль Пауль отмечает: «Направив свои ледоколы в Арктику, Пекин подал четкий сигнал о своих серьезных великодержавных амбициях в сфере коммерции, науки, дипломатии и военной области в полярных регионах». Ледокол «Сюэлон-2» обладает впечатляющими характеристиками: водоизмещение 13,9 тыс. тонн, способность пробивать лед толщиной до 1,5 метра как носом, так и кормой, автономность плавания 60 дней, дальность хода 20 тысяч морских миль. Объявление в 2024 году о планах строительства первого китайского атомного ледокола водоизмещением 38 000 тонн свидетельствует о долгосрочной стратегии укрепления присутствия в регионе.

Научно-исследовательская деятельность демонстрирует устойчивую интенсификацию. С момента первой арктической экспедиции в 1999 году Китай провел 15 научных экспедиций. Если в период 1999-2003 годов экспедиции носили эпизодический характер, с 2008 года они стали регулярными, а с 2018 года — ежегодными. В сентябре 2023 года ледокол «Сюэлон-2» достиг района Северного полюса в рамках научной экспедиции, отправившейся из Шанхая 12 июля. Завершившаяся в сентябре 2025 года 15-я арктическая экспедиция Китая стала крупнейшей на сегодняшний день, впервые включив пилотируемую глубоководную экспедицию в Северном Ледовитом океане с использованием батискафа «Цзяолун». Корабли оснащены оборудованием для океанографической съемки, мониторинга дна, изучения биологических и метеорологических ресурсов, также занимаются снабжением научных объектов в

арктических регионах. Кроме того, Пекин планирует создать полярную авиацию с возможностью приземления на укороченные взлетно-посадочные полосы в экстремальных погодных условиях.

Центр стратегических и международных исследований в апреле 2023 года отметил, что «для Си Цзиньпина приоритетны технологии двойного назначения и слияние гражданского и военного секторов, поэтому продвижение КНР в Арктике может преследовать военные цели» [\[32\]](#). Это утверждение подтверждается конкретными проектами: в 2018 году Китай запустил автономный подводный планер «Хайи» для мониторинга глубоководной среды Берингова моря, где действуют российские и американские военно-морские силы. КНР также участвует в финском проекте Arctic Connect — соединении Европы и Азии через коммуникационный кабель вдоль Северного морского пути. Эксперты предупреждают, что это позволит Китаю увеличить разведывательные возможности, поскольку кабели передачи данных могут использоваться для сбора военной информации. На территории Швеции, в 200 км к северу от Полярного круга, в космическом центре Эсрейндж действует китайская спутниковая приемная станция, идеально подходящая для слежения за полярно-орбитальными спутниками и запусками ракет.

Министр обороны Канады Уильям Блэр в ноябре 2024 года заявил на форуме по безопасности в Галифаксе: «Китай использует два основных подхода к Арктике. Первый — экономическое давление через инвестиции в критически важные инфраструктурные объекты региона. Второй — деятельность под прикрытием научных исследований. Они занимаются картографированием морского дна и сбором разведывательной информации».

Технологическая подготовка вооруженных сил к действиям в арктических условиях ведется комплексно. На предприятиях оборонно-промышленного комплекса КНР производится специальная экипировка «тип 15». По внешнему виду, цветовому решению (маскировочная расцветка под цвет местности) и заложенному функционалу она напоминает камуфляжную форму «Multicam» ВС США. Полный комплект арктической экипировки, включающий защитный плащ, бронешлем и рюкзак, производится в Китае при относительно невысокой стоимости (около 1500 долл. США), что обеспечивает эффективное соотношение цены и функциональности. Личный состав НОАК перемещается по труднопроходимой местности на снегоходах «Баома». Для исполнения задач противоракетной обороны в тяжелых погодных условиях разработаны зенитно-ракетные комплексы (ЗРК) «Хунци-9» синего и белого цвета [\[9\]](#).

Внешнеполитический курс Пекина имеет структурное сходство со стратегией США: обе державы обосновывают присутствие своих военно-морских сил в международных водах необходимостью обеспечения безопасности морских коммуникаций. Анализ направленности китайской внешней политики в арктическом направлении позволяет утверждать, что присутствие военно-морских сил НОАК в водах Арктики является реальной перспективой обозримого будущего, что подтверждается текстом Белой книги «Национальная оборона Китая в новую эру» [\[23\]](#).

3. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в Арктике

Интенсификация российско-китайского взаимодействия в Арктике в период 2023-2024 годов представляет собой не случайное стечение обстоятельств, а закономерный результат структурных изменений в системе международных отношений. Анализ форматов, интенсивности и содержания двустороннего сотрудничества позволяет

выявить как точки стратегического совпадения интересов, так и потенциальные зоны противоречий между двумя державами.

Военное измерение российско-китайского партнерства демонстрирует качественный переход от эпизодических учений к формированию системы регулярного оперативного взаимодействия [\[26\]](#). Совместные патрулирования в арктических водах, проведенные в 2023-2024 годах, выходят за рамки традиционной дипломатической символики и приобретают характер отработки практических механизмов координации действий. Особое значение имеет географический охват учений «Океан-2024» — одновременное проведение маневров в акваториях Тихого и Северного Ледовитого океанов с участием более 400 кораблей свидетельствует о масштабах интеграции военно-морских потенциалов двух стран [\[17\]](#).

Критически важным представляется анализ мотивационной структуры такого сближения. Для России углубление военного сотрудничества с Китаем в Арктике выполняет компенсаторную функцию в условиях разрыва кооперационных связей с западными партнерами после февраля 2022 года. Прекращение работы Арктического совета в полном формате и введение санкций создали для Москвы стратегическую необходимость диверсификации партнерских связей в регионе. Китай в этой ситуации оказался не просто «запасным вариантом», но единственной крупной державой, способной предоставить технологии, инвестиции и политическую поддержку российским арктическим проектам [\[15\]](#).

Для Пекина российское направление представляет собой наиболее доступный канал проникновения в арктическую систему безопасности и управления. В отличие от североамериканских и скандинавских государств, относящихся к китайскому присутствию с нарастающей настороженностью, Россия демонстрирует готовность к расширению форматов взаимодействия. Участие китайских военных кораблей в российских арктических учениях дает НОАК бесценный опыт операций в экстремальных климатических условиях, который невозможно получить в других регионах. Более того, совместные маневры легитимизируют присутствие китайских военно-морских сил в водах, где они формально не имеют исторических прав или территориальных претензий [\[27\]](#).

Символическое значение имеет впервые проведенное в октябре 2024 года патрулирование береговой охраны КНР в российских арктических водах. Этот прецедент создает правовую основу для регулярного присутствия китайских правоохранительных структур в регионе под предлогом борьбы с трансграничной преступностью и обеспечения безопасности судоходства. Формально такая деятельность соответствует международному праву и двусторонним соглашениям, однако де-факто означает институционализацию китайского силового присутствия в российской Арктике [\[28\]](#).

Экономическое измерение российско-китайского сотрудничества в Арктике характеризуется амбивалентностью: декларируемые масштабные планы сталкиваются с прагматичной осторожностью китайского бизнеса. Участие КНР в проектах «Ямал СПГ» (29,9% через CNPC и Фонд Шелкового пути) и «Арктик СПГ-2» (около 30%) позиционировалось как стратегическое партнерство в освоении арктических углеводородных ресурсов. Однако введение американских санкций в конце 2023 года выявило пределы готовности китайских компаний к рискам [\[29\]](#).

Эта прагматичность китайского подхода проявляется и в структуре инвестиций: основной капитал направляется не в долгосрочные инфраструктурные проекты с неопределенной

окупаемостью, а в конкретные добывающие предприятия с просчитываемой рентабельностью. Китайские компании предпочитают модель участия в готовых проектах с гарантированными поставками сырья, избегая роли основного инвестора в создании арктической транспортной и производственной инфраструктуры. Это создает асимметрию ожиданий: Россия рассчитывает на китайское финансирование комплексного освоения Арктики, тогда как Китай заинтересован преимущественно в доступе к ресурсам и транзитным маршрутам без избыточных капиталовложений в региональное развитие [\[30\]](#).

Концепция «Ледяного Шелкового пути», презентованная в документе 2018 года как стратегическое направление интеграции российских и китайских интересов, в реальности реализуется значительно медленнее планировавшихся темпов. Северный морской путь, который должен был стать альтернативным транспортным коридором между Азией и Европой, пока не достиг объемов грузоперевозок, оправдывающих масштабные инфраструктурные инвестиции [\[31\]](#).

Мнения российских экспертов относительно перспектив и рисков углубления арктического сотрудничества с Китаем распределяются по широкому спектру оценок. А. В. Загорский акцентирует внимание на структурных различиях в позициях двух стран: «Россия и Китай в Арктике имеют разные интересы и статусы. Россия — арктическая держава с суверенными правами и юрисдикцией, Китай — внешний игрок, стремящийся легитимизировать свое присутствие». Э. З. Галимуллин, В. Б. Кашин и А. С. Крамаренко подчеркивают, что резкое обострение отношений между Россией и странами Запада, начавшееся в феврале 2022 г., стало серьезным вызовом арктическому сотрудничеству, и отмечают, что Китай использует эту ситуацию для укрепления своих позиций, что создает для России как возможности, так и риски чрезмерной зависимости от единственного крупного партнера [\[14\]](#).

В. Н. Конышев и М. А. Кобзева обращают внимание на специфику китайского подхода к Арктике: «Политика Китая в Арктике по созданию «голубого экономического коридора» в значительной степени отличается от политики строительства сухопутных и морских маршрутов «Великого шёлкового пути». В многосторонней и двусторонней арктической дипломатии Китай последовательно закрепляет своё влияние в арктических и приарктических странах» [\[19\]](#).

Анализ китайских экспертных оценок демонстрирует более ответственную риторику относительно «законных прав» КНР в Арктике. Профессор Ли Чжэньфу формулирует позицию, которую можно интерпретировать как манифест китайского арктического ревизионизма: «Китай должен на национальном уровне полагаться на реальные сильные стороны в формулировании международного права, научных исследованиях и юрисдикции над ресурсами и морскими путями и сделать все возможное в Арктике, чтобы его собственный голос был услышан. Только те, кто станет владельцами ресурсов, смогут получить их законную ценность» [\[30\]](#).

Институциональная работа китайских исследовательских центров, таких как команда Polar and Ocean Portal Китайского океанологического университета в Циндао под руководством профессора Гуо Пэйцина, свидетельствует о систематическом характере подготовки концептуальных оснований для расширения китайского присутствия. Регулярное консультирование официальных лиц по арктическим вопросам указывает на тесную связь между академической экспертизой и практической политикой. Введение в оборот профессором Дун Лимином термина «приарктическое государство», несмотря на международную критику, стало частью официального дискурса КНР, что демонстрирует

готовность Пекина к концептуальному оспариванию существующих нормативных рамок арктической системы [\[31\]](#).

Стратегические противоречия между российскими и китайскими интересами в Арктике пока находятся в латентном состоянии, но имеют потенциал обострения в среднесрочной перспективе. Россия заинтересована в сохранении максимального контроля над Северным морским путем как национальной транспортной артерией, требующей соблюдения российского законодательства, включая обязательное ледокольное сопровождение и разрешительные процедуры. Китай, напротив, настаивает на трактовке арктических маршрутов как международных проливов со свободой судоходства, что позволило бы минимизировать зависимость от российских регуляторных механизмов и снизить транзакционные издержки.

Вопрос о правовом статусе арктических вод и континентального шельфа представляет собой потенциальную точку конфликта. Российская позиция основывается на суверенных правах и юрисдикции арктического государства, подкрепленных международным правом и историческим присутствием. Китайская концепция «общего достояния человечества» применительно к Северному Ледовитому океану, сформулированная в документе 2018 года, фактически оспаривает исключительность прав прибрежных государств и создает правовую основу для претензий на участие в управлении ресурсами и транспортными путями региона.

Наращивание китайского ледокольного флота и планы строительства атомного ледокола создают материальную базу для автономных операций в Арктике без зависимости от российских ледокольных услуг. Это может привести к эрозии одного из ключевых инструментов российского контроля над судоходством в регионе. Одновременное присутствие трех китайских ледоколов в арктических водах в июле 2024 года следует рассматривать не только как демонстрацию технологических возможностей, но и как сигнал о готовности КНР к операционной автономности в регионе.

Перспективы российско-китайского сотрудничества в Арктике будут определяться балансом между прагматической необходимостью взаимодействия и стратегическими опасениями относительно долгосрочных намерений партнера. Для России Китай остается критически важным источником инвестиций, технологий и политической поддержки в условиях западных санкций, но чрезмерное углубление зависимости создает риски утраты контроля над развитием собственной арктической зоны. Оптимальная стратегия для Москвы предполагает диверсификацию партнерских связей и развитие собственных технологических компетенций, позволяющих сохранить статус ведущей арктической державы.

Для Китая российское направление является наиболее перспективным каналом укрепления позиций в Арктике в краткосрочной перспективе, но стратегически Пекин заинтересован в формировании многосторонних механизмов управления регионом, где роль России была бы сбалансирована участием других акторов. Инвестирование в отношения с северными европейскими государствами, несмотря на их текущую настороженность, остается важным элементом китайской стратегии хеджирования рисков чрезмерной зависимости от единственного партнера.

Военное измерение сотрудничества демонстрирует наибольший динамизм, но также содержит потенциал для непреднамеренной эскалации. Интенсификация совместных учений и патрулирований воспринимается североамериканскими и европейскими арктическими государствами как формирование блокового противостояния в регионе,

что провоцирует ответные меры по наращиванию военного присутствия и может привести к гонке вооружений в Арктике. Заявление министра обороны Канады У. Блэра в ноябре 2024 года о двойственном характере китайской активности свидетельствует о росте озабоченности западных союзников относительно российско-китайского военного взаимодействия в регионе.

Заключение

Исследование выявило системную трансформацию арктической стратегии Китая от научного присутствия к милитаризованному. Военное измерение китайской арктической стратегии формировалось задолго до официального закрепления арктических амбиций: переломным стал 2015 год, когда защита морских прав стала приоритетом НОАК, что создало правовую основу для присутствия ВМС в арктических водах ещё до публикации «Политики Китая в Арктике» (2018).

В 2023-2024 годах произошёл качественный скачок: от деклараций к созданию операционных возможностей. Этот переход проявился в нескольких взаимосвязанных направлениях. Прежде всего, Китай продемонстрировал беспрецедентное наращивание ледокольного потенциала: одновременное присутствие всех трёх китайских ледоколов в арктических водах в июле 2024 года, наряду с объявленными планами строительства атомного ледокола, свидетельствует о долгосрочной стратегии укрепления присутствия в регионе. Ключевой характеристикой всей китайской арктической инфраструктуры является её двойное назначение: «научные» ледоколы оснащены системами наблюдения, картографирования дна и мониторинга, что позволяет использовать их для сбора разведывательной информации при официальном позиционировании как исследовательских судов.

Качественный скачок 2023-2024 годов тесно связан с институциональным кризисом арктического сотрудничества, возникшим после 2022 года. Приостановка работы Арктического совета с участием западных государств создала для Китая уникальную возможность трансформации от периферийного наблюдателя к центральному игроку в условиях российской изоляции. Именно в этом контексте российско-китайское взаимодействие вышло за рамки символических жестов и приобрело характер системного военного партнёрства. Регулярные совместные патрулирования, крупнейшие за 30 лет учения «Океан-2024», первое патрулирование береговой охраны КНР в водах российской Арктики — все эти события демонстрируют формирование качественно новой модели присутствия, дающей НОАК уникальный опыт арктических операций и легитимизирующей присутствие китайских военно-морских сил в водах, где они формально не имеют исторических прав.

Вместе с тем исследование выявило латентные противоречия между российскими и китайскими интересами в регионе. Россия отстаивает суверенитет над Северным морским путём как национальной транспортной артерией, тогда как Китай продвигает концепцию Арктики как «общего достояния человечества», что подрывает исключительные права арктических государств. Наращивание китайского ледокольного флота создаёт материальную базу для автономных операций без зависимости от российских ледокольных услуг, что может привести к эрозии одного из ключевых инструментов российского контроля над судоходством в регионе.

Практическая значимость исследования заключается в формировании научной основы для выработки адекватной политики арктических государств в отношении военного присутствия КНР. Для России критически важно развитие собственных

технологических компетенций в области арктических операций, диверсификация партнёрских связей для снижения рисков чрезмерной зависимости от единственного крупного партнёра и формирование чётких «красных линий» в отношении китайского военного присутствия, нарушение которых будет иметь репутационные издержки для Пекина.

Перспективы дальнейших исследований связаны с необходимостью углублённого анализа технологических возможностей создаваемой КНР арктической инфраструктуры через призму военного применения, изучения внутрикитайских дискуссий об оптимальной стратегии в регионе на основе расширенного корпуса источников (включая материалы закрытых конференций и внутренние документы), а также сравнительного анализа китайского подхода к Арктике с политикой КНР в других стратегических регионах (Южно-Китайское море, Индийский океан) для выявления общих закономерностей экспансионистской стратегии.

Библиография

1. Белая книга "Национальная оборона в 2008 году". – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2008. – 48 с.
2. Белая книга "Национальная оборона в 2010 году". – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2010. – 50 с.
3. "Белая книга по обороне: диверсификация применения Вооруженных сил Китая". – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2013. – 52 с.
4. Белая книга "Китайская военная стратегия". – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2015. – 54 с.
5. Политика Китая в отношении сотрудничества в сфере безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2017. – 56 с.
6. Национальная оборона КНР в новую эпоху. – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2019. – 62 с.
7. Конституция КНР. – Пекин : Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 2004. – 55 с.
8. 中华人民共和国国家安全法. 2015年7月1日 [Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики от 01.07.2015]. – URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2015-07/01/c_1115787801.htm (дата обращения: 28.06.2020). – Текст : электронный. – На кит. яз.
9. "中国的北极政策" 白皮书. 2018年1月26日 [Белая книга "Арктическая политика Китая" от 26.01.2018]. – URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1618203/1618203.htm> (дата обращения: 28.06.2020). – Текст : электронный. – На кит. яз.
10. Китайская деятельность в Арктике вызывает международные споры. – URL: <https://www.yenisafak.com/ru/news/25095> (дата обращения: 18.12.2025). – Текст : электронный.
11. Пентагон заявляет, что Россия углубляет сотрудничество с Китаем в Арктике. – URL: https://ru.walaw.press/articles/pentagon_zayavlyayet_cho_rossiya_uglublyayet_sotrudnichestvo_s_kitaem_v_arktike/GLQGRGLSXRLI (дата обращения: 18.12.2025). – Текст : электронный.
12. Полончук Р. А. Военно-морские силы Народно-освободительной армии Китая в начале XXI века: современное состояние и перспективы развития : монография / Р. А. Полончук. – Москва : Этносоциум, 2020. – 308 с.
13. Акимов Р. Х. Арктика с китайской спецификой / Р. Х. Акимов // Арктика и Север. – 2023. – № 50. – С. 89-108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2023.50.89. EDN: YASXGE
14. Галимуллин Э. З. Снежный Дракон: политика Китая в Арктике перед лицом новых вызовов / Э. З. Галимуллин, В. Б. Кашин, А. С. Крамаренко // Вестник Российского

- университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2024. – Т. 24, № 3. – С. 358-370. – DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-3-358-370. EDN: ZIMOCW
15. Загорский А. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? / А. Загорский // Мировая экономика и международные отношения. – 2016. – Т. 60, № 2. – С. 63-71. EDN: VVТОКТ
16. Зворыкина Ю. В. Северный морской путь как инструмент освоения Арктики / Ю. В. Зворыкина, К. С. Тетерятников // Российский экономический журнал. – 2019. – № 4. DOI: 10.33983/0130-9757-2019-4-21-44. EDN: YTVРХУ
17. Калфаоглу Р. Роль Китая в новой геополитике Арктики / Р. Калфаоглу // Арктическое обозрение. – 2025. – № 11. – С. 24-31. EDN: DYPMТD
18. Кобзева М. А. Сотрудничество России и КНР в сфере арктического судоходства: состояние и перспективы / М. А. Кобзева // Арктика и Север. – 2021. – № 43. – С. 89-108. DOI: 10.37482/issn2221-2698.2021.43.89. EDN: XTLSZR
19. Конышев В. Н. Политика Китая в Арктике: традиции и современность / В. Н. Конышев, М. А. Кобзева // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 77-92. EDN: XISOCJ
20. Куан Ц. Новая политика Китая по Арктике / Ц. Куан, К. Оу // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63, № 7. – С. 84-91. – DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-7-84-91. EDN: KQAOYP
21. Ло Сюань. Стратегические интересы РФ и КНР в Арктике / Сюань Ло // Общество: политика, экономика, право. – 2022. – № 10. – С. 36-43. DOI: 10.24158/пер.2022.10.5. EDN: MCSOOU
22. Лукин А. Л. Россия и Китай в Арктике: состояние и перспективы двустороннего сотрудничества / А. Л. Лукин, Юнхуэй Ли, И. Б. Кейдун // Известия Восточного института. – 2022. – № 1. – С. 123-131. DOI: 10.24866/2542-1611/2022-1/123-131. EDN: OTATPN
23. Лэй Ш. Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения / Ш. Лэй // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2021. – Т. 24, № 4. – С. 99-110. – DOI: 10.24866/1813-3274/2021-4/99-110. EDN: KGZNNO
24. Петровский В. Е. Новый военно-политический ландшафт в Арктике: прогнозы из Китая / В. Е. Петровский // Арктика и Север. – 2024. – № 54. – С. 74-86. – DOI: 10.37482/issn2221-2698.2024.54.74. EDN: AUFSCW
25. Корабельное вооружение. – Пекин : Китайская кораблестроительная промышленная корпорация, 2020. – № 6. – С. 17. – На кит. яз.
26. Оружейное знание. – Пекин : Научно-технический совет КНР, 2020. – 140 с. – На кит. яз.
27. Современные вооруженные силы. – Пекин : Научно-технический информационный центр национальной обороны КНР, 2019. – 157 с. – На кит. яз.
28. Современные корабли. – Пекин : Китайская кораблестроительная промышленная корпорация, 2020. – № 5. – С. 87. – На кит. яз.
29. Berkman P. A. Governance and Environmental Change in the Arctic Ocean / P. A. Berkman, O. Young // Science. – 2009. – April 17. – Vol. 324. – P. 399-340. – DOI: 10.1126/science.1173200.
30. Li Z. Research on Arctic Route Issue Basin Based on KJ Method / Z. Li, Y. Tian // World Regional Studies. – 2009. – No. 18 (3). – P. 97-102.
31. Peiqing G. On the complex relationship between China and the United States and Russia in the Arctic / G. Peiqing, Y. Nan // Northeast Asia Forum. – 2020. – No. 1 (147). – P. 25-41. – DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2020.01.002. – На кит. яз.
32. U.S.-China Economic and Security Review Commission. Hearing on China's Pursuit of Defense Technologies: Implications for U.S. and Multilateral Export Control and Investment Screening Regimes : hearing before the U.S.-China Economic and Security Review Commission, One Hundred Eighteenth Congress, first session, Thursday, April 13, 2023. –

Washington, D.C. : U.S.-China Economic and Security Review Commission, 2023. – URL: <https://www.uscc.gov> (дата обращения: 18.12.2025). – Текст : электронный. ""

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи обращается к исследованию современной стратегии Китая в Арктике и влиянию этой стратегии на региональную безопасность. Поскольку в последние годы арктический регион превратился в арену соперничества многих государств (включая Россию, США, приарктические страны, а также ЕС), данная тема представляется актуальной. Вместе с тем, текст статьи требует внесения существенных правок, начиная с названия, которое в текущем виде вызывает вопросы. Так, не слишком неудачным выглядит выражение «Арктика в контексте безопасности», лучше – «проблема международной безопасности в Арктике». Также остается непонятным почему речь идет о «стратегиях» (а не о «стратегии») Китая, которых он придерживается «арктических водах». Очевидно, что арктическая стратегия КНР распространяется не только на «арктические воды», но и на сушу, о чем в дальнейшем пишет сам автор. Поэтому я бы рекомендовал скорректировать название статьи следующим образом – «Военное присутствие как инструмент стратегии Китая в Арктике и проблемы региональной безопасности». Кроме того, статья нуждается в полноценном введении, в котором была бы обозначена исследовательская проблема, цель и задачи статьи. В текущей версии рукописи автор описывает в основном актуальность и методологию, но остается неясным – какую именно проблему позволяют решить перечисленные методы? Также очень спорным является утверждение о том, что «теоретической базой исследования послужили официальные документы КНР по вопросам внешней политики и национальной обороны, стратегические документы арктических государств». Следует иметь в виду, что первоисточники составляют эмпирическую базу исследования и не могут рассматриваться в качестве теоретической рамки. На «работы российских и китайских исследователей» можно опираться при аргументации авторской позиции, но сами по себе они не могут служить теоретической базой. Во введении также следует обосновать хронологические рамки (почему рассматриваются именно 2023-2024 годы?) и новизну полученный автором исследовательских результатов – то есть, каков вклад данной статьи в существующую литературу по данной теме? Апелляция к оппонентам выглядит очень неубедительно – автор лишь указывает на то, что внешнеполитическая стратегия КНР проанализирована в трудах ряда китайских ученых, а у российских исследователей есть «разные точки зрения на арктическую политику Пекина». Если бы автор провел более детальный анализ существующих подходов к арктической стратегии Китая, это позволило бы усилить его аргументацию и показать место данной статьи среди работ, посвященных схожей тематике. В связи с этим можно порекомендовать автору включить в обзор следующие работы – Куан Ц., Оу К. Новая политика Китая по Арктике // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 7; Лэй Ш. Позиционирование Китая в Арктике: эволюция концепций и механизмы продвижения // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2021. № 4; Калфаоглу Р. Роль Китая в новой геополитике Арктики // Арктическое обозрения. 2025. № 11. Структура статьи выглядит очень несбалансированной – фактически, основной текст (не считая вводную часть и заключение) состоит из одного большого раздела («результаты

и обсуждение»). При этом текст носит преимущественно описательный характер – автор излагает основные положения официальных документов КНР (напр., «Политика Китая в Арктике») и дает обзор основных событий в период с 2023 по 2024 годы. В рамках данного раздела речь идет и о концептуальных основах китайской политики в Арктике, и об отношениях Китая и России. Здесь же приводятся мнения российских исследователей и иностранных политиков, а также оценки зарубежных «мозговых центров». Представляется логичным выделить несколько разделов в основном тексте, напр., - 1. Концептуальные основы современной стратегии Китая в Арктике; 2. Практическая реализация арктической стратегии КНР (2023-2024 гг.); 3. Российско-китайское сотрудничество и безопасность в Арктике. В заключении автор скорее констатирует давно наметившуюся тенденцию к наращиванию Китаем своего присутствия в Арктике, чем суммирует полученные исследовательские результаты. Поэтому в текущем виде статья вряд ли может представлять интерес для аудитории журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Автор рецензируемой рукописи обращается к исследованию современной стратегии Китая в Арктике и влиянию этой стратегии на региональную безопасность. Поскольку в последние годы арктический регион превратился в арену соперничества многих государств (включая Россию, США, приарктические страны, а также ЕС), данная тема представляется актуальной. Проведенная доработка рукописи в целом оставляет благоприятное впечатление. Автор скорректировал название статьи, а также добавил развернутое введение, в котором подробно обоснована релевантность исследуемой проблемы, сформулированы цель и задачи исследования, обоснована методология и научная новизна. Автор также добавил обзор наиболее важных публикаций, что позволило позиционировать предпринятое им исследование в рамках существующей литературы по выбранной теме. В то же время, можно высказать ряд замечаний и рекомендаций относительно структуры и содержания рукописи. Так, в начале введения автор упоминает о том, что «существующие исследования арктической политики КНР преимущественно фокусируются либо на экономическом измерении, либо на дипломатических аспектах», хотя далее по тексту есть целый раздел, посвященный обзору литературы. Поэтому логичнее переместить вышеупомянутый пассаж именно туда. Далее, подраздел «обоснование актуальности исследования» заканчивается абзацем о факторах, обуславливающих важность Арктики для КНР (запасы нефти, газа, транспортно-логистические преимущества, и т.д.). На мой взгляд, лучше переместить этот абзац в самое начало статьи, так как логика научных исследований обычно выстраивается по принципу «от общего к частному». Поэтому лучше начать с обоснования стратегической важности Арктики (в том числе для Китая), а затем перейти к более частным вопросам, связанным с военным присутствием КНР в этом регионе. Далее, в разделе «методология исследования» автор упоминает метод «экспертного анализа» и утверждает, что этот метод используется (помимо прочего) для «интерпретации заявлений политических деятелей и оценки стратегических

документов». При этом в начале раздела автор пишет о дискурс-анализе, который применяется для изучения официальной риторики КНР. То, что автор называет «экспертным анализом», по сути, относится к «дискурс-анализу» и, таким образом, вряд ли может выступать в качестве самостоятельного метода исследования. Использование «материалов российских, китайских и западных исследователей», о чем автор пишет далее, также можно отнести к анализу академического дискурса. Раздел «теоретическая база исследования» нужно переименовать, назвав его «эмпирическая база исследования», так как перечисляемые автором первичные источники представляют собой именно эмпирический материал для анализа, а не готовые теоретические выкладки. Обоснование «научной новизны исследования», на мой взгляд, лучше изложить не по пунктам, а в виде последовательного текста – «во-первых», «во-вторых», «в-третьих», что позволит сделать текст более целостным и удобным для восприятия. То же самое можно посоветовать и в отношении «заключения», которое в текущем виде представляет собой набор тезисов, некоторые из которых выглядят слабо связанными между собой. Так, автор пишет про «качественный скачок 2023-2024 годов», затем указывает на «двойное назначение» китайских ледоколов, а сразу после утверждает, что «российско-китайское взаимодействие вышло за рамки символических жестов». Как эти три тезиса связаны между собой – не до конца понятно. В целом, высказанные замечания не снижают положительного впечатления от статьи, которая может быть рекомендована к публикации после внесения автором соответствующих правок.